

УДК 343.8
ББК 67.409

DOI 10.22394/1682-2358-2022-4-46-54

О.А. Кислый, *Candidate of Sciences (Pedagogies), Docent of the Legal Support of State and Municipal Service Department, Institute of Public Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

М.А. Исаева, *employee of the Department for Control in the Field of Migration of the Department for Migration of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Moscow*

SITUATION OF WOMEN IN PLACES OF DETENTION

Features of female crime and its differences from male crime are analyzed. The criminological characteristics of convicted women are presented. Gender features of crime and execution of punishment in relation to convicted women are studied. The causes and factors contributing to the emergence of penitentiary stress in women sentenced to imprisonment are considered.

Key words and word-combinations: penitentiary system, convict, woman, gender issues, female crime.

О.А. Кислый, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: razboinik@yandex.ru)*

М.А. Исаева, *инспектор отделения по координации деятельности отдела по контролю в сфере миграции Управления по вопросам миграции Главного Управления Министерства внутренних дел России по г. Москве (email: masis2001@mail.ru)*

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. Анализируются особенности женской преступности и ее отличия от мужской. Представлена криминологическая характеристика осужденных женщин. Исследуются гендерные особенности преступности и исполнения наказания в отношении осужденных женщин. Рассматриваются причины и факторы, способствующие возникновению пенитенциарного стресса у осужденных к лишению свободы женщин.

Ключевые слова и словосочетания: уголовно-исполнительная система, осужденный, женщина, гендерные проблемы, женская преступность.

В соответствии с п. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации «...исправление осужденных — это формирование у них уважительного

отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» [1].

В настоящее время по-прежнему открытым остается вопрос реализации принципа гуманизма, противодействия преступности с применением гендерных подходов, в том числе в снижении рецидивоопасности, позволяющих «придать индивидуальность» уголовному наказанию и его исполнению. Важным шагом в решении этого вопроса выступает дифференциация мужской и женской преступности, а это, в свою очередь, «отражает» современные требования гражданского общества и конституционного правового государства.

Осужденные женщины — специфическая категория осужденных, чья численность каждый год не только растет, но «омоложается» (данная тенденция берет начало с 1990-х годов [2]). Заслуживают внимания организация отбывания ими наказания и последующей их ресоциализации [3]. Женщины, совершившие преступные деяния впервые, приближаются к 60%, их возраст составляет 36 лет [4]. Вместе с тем уже в возрасте младше 30 лет они воруют, убивают, распространяют наркотики, обманом похищают чужое имущество, что являет собой пенитенциарную повседневность.

Многочисленные российские и зарубежные исследования женской преступности объясняют формирование и развитие криминальной мотивации психологическими личностными особенностями, а именно: импульсивностью, эмоциональностью, повышенной тревожностью, агрессией, впечатлительностью и демонстративностью поведения, что принципиально отличает женскую преступность от мужской [5]. Среди женщин распространены расстройства психики, поведенческие нарушения вследствие перенесенного насилия, проигнорированного как органами правопорядка, так и самими женщинами ввиду свойственной им уязвимости, недоверия государству. Острое эмоциональное состояние, спровоцированное особенными, затрагивающими психику личности, травмирующими обстоятельствам, порождающими феномен суицида, довольно часто присутствует среди отбывающих наказание женщин. Ведь «прекрасная половина человечества» более внушаема, чувствительна к взаимоотношениям с окружающими, к качеству жизни, благодаря чему «набирают обороты» невротические, астенические, социопатические расстройства личности в психотравмирующих пенитенциарных условиях. Этим объясняется причисление их к специфическому объекту активного исправительного воздействия — трудному контингенту. Параллельно формируется субъективная мотивация негативного характера (социальная запущенность, устойчивая пове-

денческая девиация), при этом нередко присутствует определенная криминальная «специализация» (мошенничество, распространение наркотиков).

Факторы — «катализаторы» появления личности с антиобщественной установкой проистекают чаще всего из семейной обстановки девочки на протяжении ее взросления [6]. Семья, которая «не может похвастаться» миром, покоем, благоденствием, «дарит» негативные фоновые явления и «создает» личность с криминогенными установками, по большей части «перечеркивает» появление последующих поколений. Некоторые осужденные женщины все-таки пытаются обзавестись семьей, но такие семьи, как правило, хрупки в отличие от мужчин. Превалирующая часть осужденных женщин без собственной семьи приходится на возрастную группу 18—24 года (детородный возраст). Продолжительность пребывания в местах лишения свободы уменьшается у большинства из них шанс на свободе стать семейным человеком, «приговаривая» их получить статус «не состоящие в браке» к сорока годам.

В связи с тем, что у большинства преступниц было неблагополучное детство (воспитание родителями-алкоголиками, бабушками — родителей лишили родительских прав, недостаток денежных средств и др.), «страдает» и их образовательный и профессиональный статус. Даже наличие иногда у них дипломов о высшем профессиональном образовании, полученных чаще всего в сомнительных филиалах вузов, расположенных в крупных городских поселениях или районных центрах, со слабым профессорско-преподавательским составом, не обеспечивает им определенного уровня культуры и требуемых рынком труда знаний.

Б.А. Спасенников отмечает влияние физиологических состояний на осуществление насильственных деяний женщинами. «Эмоциональные качели», неуравновешенность, раздражительность, вспыльчивость характерны для женщины в предменструальный период, что «легко нейтрализуется» совершением насильственных деяний. Нахождение в острой долго длящейся психотравмирующей ситуации (бедность, безработица, сексуальное насилие, семейно-бытовое насилие, супружеская измена, алкоголизация партнера, бесплодие, хронические заболевания детей и др.) провоцирует совершение в состоянии аффекта причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Это, к сожалению, наиболее частая ситуация среди осужденных женщин [7].

По статистике, в последние годы насильственная преступность среди лиц женского пола уменьшается: число грабежей в 2021 г. — 502, 2020 г. — 581, 2019 г. — 759, 2018 г. — 892; число разбоев в

2021 г.— 493, 2020 г. — 522, 2019 г. — 592, 2018 г. — 704; число вымогательств в 2021 г.— 29, 2020 г. — 30, 2019 г. — 33, 2018 г. — 41. Должностными преступлениями женщины также реже промышляют, поскольку на руководящих должностях их гораздо меньше, чем мужчин. Среди осужденных женщин имеется небольшой процент, «соприкасавшихся» до судимости с предпринимательской деятельностью или осужденных за налоговые и экономические деяния против «буквы закона».

«Социальные корни» женской преступности берут начало из общественных факторов: гендерного неравенства; низкого качества жизни; утраты общественных благ подавляющим большинством женщин, особенно проживающих в небольших городских поселениях; государственного «абстрагирования» при охране здоровья женщины, материнства и детства. Из последнего обстоятельства вытекает «разрешение» и «процветание» женского алкоголизма и женской наркомании, которые, в свою очередь, «легализовывают» совершение в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения тяжких и особо тяжких преступлений [8].

В условиях социальной изоляции в пенитенциарной среде нередко возникает субъективная реакция женщины — пенитенциарный стресс. По мнению М.Г. Дебольского, внешний фактор появления пенитенциарного стресса — криминогенные характеристики личности, а внутренний — индивидуально-психологические характеристики личности и ее актуальное состояние (тревога и фрустрации) [7]. Пенитенциарный стресс, усиливая социальную депривацию и неудовлетворенность потребностей, «активен» на стадии адаптации к порядку и к условиям отбывания наказания. Женщина здесь отличительна от мужчин своей эмоциональной сферой — раздражительностью, гневом, тоской, ведь ей необходимо приспособиться к абсолютно незнакомой как формальной, так и неформальной окружающей действительности в колонии. В этот период у женщин обостряются чувства тревожности, страха, покинутости, одиночества, безысходности, подавленности, развиваются депрессивный настрой и экзистенциальный вакуум. Подобное эмоциональные и физические истощение у осужденной женщины может закрепиться до конца срока изоляции. В некоторых случаях женщина компенсирует это состояние агрессией. Скудность предметного мира, формализация общения с администрацией провоцируют сенсорную депривацию, оказывая психотравмирующее воздействие на осужденных женщин гораздо сильнее, чем на осужденных мужчин. Им требуется значительно больше времени на «реставрацию» в силу обостренности пенитенциарного стресса [9].

Порой женщины, особенно при длительных сроках отбывания наказания, привыкают к жизни в исправительном учреждении, но «не выдерживают» трудностей после освобождения. Происходит рецидив преступлений, возвращающий большинство женщин в «свой дом» — места лишения свободы. Своеобразные «семьи», образовавшиеся в исправительных учреждениях между осужденными женщинами, становятся роднее и ближе, чем жизнь на свободе, поскольку здесь они находят эмоциональную поддержку, «тепло», чувство защищенности, в которых нуждается их «холодное сердце». В таких привязанностях возрастает и роль национальной принадлежности [9].

Для осужденных женщин остается важным посещение детьми, близкими родственниками [10; 11]. Однако в реальной действительности женщина изначально «обделяется» такими свиданиями в силу логистики нахождения осужденной (проживание и отбывание наказания в разных субъектах РФ). Кроме того, недостаток денежных средств «обрубает» возможность частых встреч родственников с осужденной, с ее детьми. Так называемый «Грев» (продукты питания, вещи первой необходимости и т.п.), переданный в места лишения свободы родственниками осужденной женщине, вовсе может не достигнуть своего «субъекта предназначения». Данные обстоятельства тоже провоцируют стресс, мысли о потенциальной возможности утраты семейно-родственных связей — обостряются агрессивные эпизоды психики, конфликты в отряде, происходит нарушение режима и условий отбывания наказания.

Чтобы нейтрализовать в «зеркале психического состояния» женщины тяжелые психоэмоциональные воспоминания, полученные в условиях изоляции, закрепить «правильные» представления о государстве, обществе, социальном окружении; «вылечить» от злобы, агрессии, равнодушия, эгоизма, нетерпимости к окружающим — иными словами, дать возможность вернуться полноценной единицей социума, в исправительных колониях практикуются различные методы психокоррекции и самоизменения личности, психолого-педагогические меры.

Психокоррекционные занятия «дарят» веру в себя, стабильное состояние, «исцеляют» душевные травмы, освобождая от стресса и груза болезненных переживаний. Женщина учится применять верные «ключи» к жизненным кейсам, устраняет внутренний «когнитивный диссонанс», не прибегая к необдуманным и импульсивным действиям. Тем самым женщина «вооружается» решимостью и целеустремленностью на пути исправления. Расширение кругозора и активизация творческих способностей в процессе занятия социально полезной деятельностью и получения дополнительных знаний — условия, способствующие по-

зитивной реализации порядка отбывания наказания, особенно в период адаптации, и самоутверждения осужденных женщин. Побуждение чувства вины у осужденных, осознание общественной опасности подобной «линии поведения» происходит после регулярных свиданий с близкими родственниками. Женщина начинает понимать преимущества и перспективы жизни на свободе, как следствие, «понижается градус» остроты изоляции.

Описываемые мероприятия подпадают под такую профессиональную деятельность, как социальная работа с осужденными женщинами. Им оказывается содействие в восстановлении документов, трудоустройстве, поиске жилья после освобождения. Их учат быть самостоятельными, справляться с трудностями вне исправительной колонии, проводятся лекции по актуальным темам, демонстрируются соответствующие фильмы. Следует принять во внимание, что у осужденных женщин значительно труднее, чем у мужчин, происходит постепенная социальная ресоциализация: «включение» в сферу семьи, быта, трудовую деятельность. В ходе социальной работы с женщинами следует учитывать их убеждения и поведенческий стимул, связанный с необходимостью преодоления семейно-бытовых проблем: необходимо возродить у них желание рожать и воспитывать детей, создать благополучную семью. Именно поэтому большое значение имеет сохранение положительных связей женщин с семьями, детьми.

Материнство — естественное состояние женщины. В ее природе заложено безусловное чувство любви к своему ребенку, удовлетворение его потребностей, ответственность за него, понимание его физических и психических состояний, мать — друг, «мудрая книга» и воспитатель по жизни. Несомненно, для каждой женщины появление ребенка — мощнейший стрессор, выбивающий из привычного ритма жизни, после чего требуется перестройка «своего ритма», восстановление здоровья. Мир, покой, уход, а также ощущение физической близости с матерью необходимы и новорожденному.

К сожалению, реальность отечественной уголовно-исполнительной системы — обособленное содержание матерей и детей. Формирование психобиологической связи «мать — дитя» в таких условиях прерывается, а потому сотрудникам исправительных учреждений для такой категории осужденных женщин требуется обеспечить постоянное нахождение с ребенком. После рождения ребенка женщина находится в двойном стрессе: сложная адаптация к месту лишения свободы и необходимость исполнять роль матери. Социальным работникам важно предотвратить «притупление» эмоций и материнских чувств у осужденных женщин, чтобы они не воспринимали своих детей как потен-

циальную обузу при выходе на свободу. Медицинский персонал и иные сотрудники пенитенциарного дома ребенка уголовно-исполнительной системы не дадут необходимого эмоционального контакта и информационного материала матери, через который идет построение ребенком собственного «пазла мира», органов чувств. Иначе возникает риск «остановить» выработку навыков самообслуживания, активной речи, физического и социально-эмоционального развития ребенка, который чувствует дефицит любви, одиночество, «брошенность» матерью, на подсознательном уровне формирующих у него комплекс неполноценности и ущербности.

Перманентный физический контакт со своим ребенком осужденной женщины трансформирует не только ребенка, но и ее поведение в лучшую сторону: появляется дополнительный стимул к условно-досрочному освобождению, что требует соблюдения установленных правил, отказа от криминальных установок, а в конечном результате — достижение целей наказания и предупреждение рецидива преступления [12, p. 285].

К сожалению, функционирующих при женских исправительных колониях детских учреждений мало — всего тринадцать домов матери и ребенка. Очевидно, что процессы исправления и ресоциализации «протекают» вяло: семейные и социальные связи разрываются ввиду направления для отбывания наказания осужденной женщины, имеющей детей, на большое расстояние от постоянного места жительства. Вместе с тем материнство и детство имеют право на особую заботу и помощь, они не жертвы мужских систем, должно быть особое внимание к их уязвимости и специфическим нуждам, что закреплено во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Может рассматриваться и возможность назначения женщинам наказаний, не связанных с лишением свободы, что до сих пор остается самым распространенным видом наказания.

Организация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин не всегда соответствует требованиям дифференциации условий отбывания наказания: пренебрежение материально-бытовыми и медико-санитарными условиями (содержание осужденных мужчин и женщин одинаково). Данные обстоятельства вынуждают корректировать и регламентировать «букву закона» в части обеспечения осужденным женщинам необходимых санитарно-гигиенических условий, а равно и педантичность в соблюдении прописанных уголовно-исполнительным законодательством льгот и социальных гарантий для данной категории осужденных, в том числе при реализации государственной политики социальной защиты в отношении осужден-

ных женщин-инвалидов. Следует обратить внимание и на осужденных несовершеннолетних девочек, ведь их возраст — период «рождения» и становления личности, индивидуальности, получения образования и профессии, то есть усвоения совокупности знаний, норм и ценностей социума. Женщины, как никакая другая категория населения нуждаются в пристальном социальном, психологическом и воспитательном внимании.

Надлежащая социальная работа должна концентрироваться и на общественно значимых заболеваниях женского организма (ВИЧ, наркомания, алкоголизм, токсикомания и др.), которые гораздо труднее «искоренить», чем у мужчин. Такая работа заключается в убеждении пройти на добровольной основе в исправительном учреждении соответствующее лечение, а затем на свободе по месту жительства.

Казалось бы, в России преобладает гендерный подход в борьбе с преступностью, однако анализ законодательства показывает, что осужденные женщины и их дети оказываются жертвами систем и исправительных учреждений, созданных мужчинами и для мужчин. Рассматриваемая уязвимая категория нуждается в особом подходе и внимании. На наш взгляд, целесообразно добавить в Уголовно-исполнительный кодекс РФ статьи, определяющие механизм реализации права женщины на совместное проживание с ребенком (кто определяет, возможно ли совместное проживание, по каким критериям и в каком порядке, какими правами в данном случае обладает мать и может ли обжаловать данное решение в судебном порядке); закрепляющие порядок действий при рождении ребенка у осужденной женщины, отбывающей наказание в колонии-поселении. В российском законодательстве отсутствует также закрепление обязанностей осужденных женщин по отношению к своим детям, находящимся в местах лишения свободы. В результате на практике может возникать ситуация, когда осужденная уклоняется от обязанности по воспитанию ребенка, но «использует» его как основание для получения различных льгот. При этом отсутствует надлежащий механизм корректировки такого поведения осужденных женщин, имеющих детей. Полномочия администрации исправительных учреждений в данном случае не определены; процедура взаимодействия с органами опеки и попечительства, принятия соответствующего решения в указанном нормативно-правовом акте не установлена.

Слаженный механизм целенаправленного межведомственного взаимодействия продуктивен и успешен в том случае, когда присутствует скоординированная система правовых мер, подкреплённых финансированием, а также осуществляемых исполняющими уголовное наказание учреждениями, заинтересованными органами исполнительной власти,

органами местного самоуправления, общественными объединениями. В ходе потенциального улучшения положения осужденных женщин следует проводить активную работу по повышению их правовой культуры, формированию адаптации к условиям отбывания наказания и последующей социальной реабилитации.

Инициатива осужденной женщины «стереть из своей памяти» опыт нахождения в неформальных криминальных сообществах — явный показатель реализации функций профилактики и исправления учрежденной уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. *Sutherland E.H., Cressey D.R.* Principles of Criminology. Chicago: Lippincott, 1960.
2. *Волкова Т.Н.* Женская преступность в современной России (криминологические и пенитенциарные проблемы). Вологда, 2000.
3. *Spasennikov B.A., Pertly L.F., Kaluzhina M.A.* Cerebral Pathology and Criminal Behavior // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2017. № 8. P. 1109–1115.
4. *Янчук И.А.* Особенности личности женщин, осужденных к лишению свободы, и их влияние на индивидуализацию исполнения наказания // Пенитенциарная наука. 2018. № 4 (44).
5. *Бабурин С.В., Зауторова Э.В.* Работа пенитенциарного педагога-психолога с негативными эмоциональными состояниями осужденных в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4 (67).
6. Роль учения о личности преступника в трудах Г. Гросса // Актуальные проблемы государства и права в современный период: сборник статей. Томск, 1996. С. 218–221.
7. *Мельникова Д.В., Дебольский М.Г.* Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых // Психология и право. 2015. № 2.
8. *Музычук Т.Л., Кулакова С.В., Суслов Ю.Е., Самойлова А.А.* Криминально-личностные особенности осужденных женщин фертильного возраста, содержащихся в пенитенциарных учреждениях России // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4.
9. *Минстер М.В.* Пенитенциарный стресс у женщин и его отрицательное воздействие на процесс исправления // Вестник Кузбасского института. 2019. № 2 (39).
10. *Sack W.H., Seidler J.* Should children visit their parents in prison? // Law and Human Behaviour. 1978. Vol. 2. Iss. 3.
11. *Arditti J.A., Lambert-Shute J., Joest K.* Saturday Morning at the Jail: Implications of Incarceration for Families and Children // Family Relations. 2003. № 52.
12. *Bard E., Knight M., Plugge E.* Perinatal health care services for imprisoned pregnant women and associated outcomes: a systematic review // BMC Pregnancy Childbirth. 2016. Vol. 16.